

ПАРТИЗАН А. С. ФИГНЕР И ВОЕННОПЛЕННЫЕ

ВЕЛИКОЙ АРМИИ в 1812-1813 гг.

Фигура Александра Самойловича Фигнера не обойдена вниманием историков. О нем существует научная и научно-популярная литература. В настоящей работе мы не ставим задачу полностью осветить его биографию и дать исчерпывающую характеристику этой противоречивой исторической личности. Мы коснемся лишь одного сюжета: отношения Фигнера к военнопленным. Как ни странно, именно этот, казалось бы второстепенный для военного человека вопрос во многом оказался для Фигнера роковым, сыграв важную роль как в его человеческой судьбе, так и в посмертной, историографической.¹

Жестокое отношение Фигнера к пленным в 1812 г. изрядно испортило его репутацию. Практически ни одна дореволюционная публикация не обходилась без этого сюжета. В некоторых работах он представлен ярко и развернуто, в некоторых микширован, но даже симпатизировавшие Фигнеру авторы вынуждены были так или иначе касаться его, находя ему те или иные оправдания. Лишь советские публикации вовсе игнорировали эту страницу биографии Александра Самойловича, бросавшую тень на канонический образ героя-партизана. Но, как ни странно, именно из пленных был в значительной степени сформирован и последний отряд, так называемый Мстительный легион, которым командовал Фигнер в 1813 г. и с которым он погиб, переправляясь через Эльбу 1 октября 1813 г. О составе этого отряда и особенностях контингента, из которого он был сформирован, в историографии до сих пор фигурируют лишь отрывочные сведения.

Прямых источников об отношении Фигнера к пленным не так уж много. Практически все они публиковались, многие неоднократно. Попытка собрать их вместе была предпринята лишь однажды в статье Е. Грачевой и А. Вострикова², однако некоторые из этих свидетельств требуют более углубленного анализа, поэтому здесь нам придется вновь обратиться к ним, добавив несколько новых.

Наиболее ярким «обличительным» документом, своеобразным обвинительным актом является письмо Д. В. Давыдова писателю М. Н. Загоскину от 6 марта 1830 г., многократно публиковавшееся. Оно очевидно пристрастно, отражает конкуренцию партизанских отрядов и их руководителей в 1812 г. и отмечавшееся современниками стремление Давыдова к монополизации партизанской славы 1812 года.

Резко негативные отзывы Давыдова о Фигнере во многом, вероятно, обусловлены ревностью. Ведь именно Фигнер, был отправлен после дела при Ляхово с донесением к императору. В мемуарах Давыдов прямо обвиняет Фигнера, что тот обманул Кутузова, уверил светлейшего, будто именно он *«единственный виновник сего подвига»*, присвоив себе, таким образом,

победу³. Да и продвижение Фигнера в чинах в 1812 г. было гораздо более стремительным.

«Когда Фигнер входил в чувства – пишет Давыдов – а чувства его состояли единственно в честолюбии и самолюбии, тогда в нем открывалось что-то сатаническое, так как и в средствах, употребляемых им для достижения определенной им цели, ибо сие сатаническое столько же оказывалось в его подлой унижительности перед людьми, ему нужными, сколько в надменности его против тех, от коих он ничего не ожидал, и в варварствах его, когда ставя рядом до ста человек пленных, он своей рукой убивал их из пистолета одного после другого». Фигнер будто бы неоднократно приказывал убивать партии по 300-400 пленных. В своих рассказах о жестокостях Фигнера Давыдов ссылался на свидетельства людей близких к нему и считавших подобные действия *«знаменитым делом, принадлежащем глубокой политике, потому что [оно] имело основанием привязать к себе чернь, всегда алчущую подобного рода зрелища».* Надо отметить, и сам Давыдов в том же письме признавал, что по военным обстоятельствам ему тоже приходилось убивать пленных. Однако он настаивал на том, что Фигнер уничтожал пленных уже после *«опасного обстоятельства».* Давыдов рассказывает два случая, когда Фигнер завязывал дружбу с пленными офицерами, выведывал нужную информацию, а затем убивал их. Одного он убил лично из своего духового ружья, подойдя к нему в тот момент, когда он обедал с офицерами его отряда. А другого предложил поручику Ахтырского гусарского полка Шувалову сонного задавить веревкой или застрелить⁴. Давыдов в 1812 г. сам служил в Ахтырском гусарском полку, так что Шувалов, отказавшийся выполнить приказ командира, и мог быть одним из информаторов поэта-партизана.

В мемуарах Давыдов привел и эпизод, которому сам был свидетелем. Дело происходило в ноябре 1812 г. недалеко от Ляхово, накануне пленения бригады Ж. П. Ожеро. *«Едва он узнал о моих пленных, — пишет Давыдов о Фигнере, — как бросился просить меня, чтобы я позволил растерзать их каким-то новым казакам его, которые, как говорил он, еще не натравлены».* Давыдов, конечно, не отдал пленных на растерзание, наоборот, он удвоил стражу, опасаясь, чтобы Фигнер *«не велел похитить ночью пленных».* *«Еще бы он обращался, — резюмирует мемуарист, — к оному (убийству пленных. — Б. М.) в критических обстоятельствах, то есть посреди неприятельских корпусов, отрезанный и теснимый противными отрядами и в невозможности доставить взятых им пленных в армию. Но он обыкновенно предавал их смерти не во время опасности, а освободясь уже от оной; и потому бесчеловечие сие вредило ему даже и в макеавеллических расчетах его, истребляя живые грамоты его подвигов»,* поскольку штабное начальство не вполне доверяло его реляциям, полагая, что *«он только бьет на бумаге, а не на деле».*⁵

Впрочем, в этом разговоре двух знаменитых партизан присутствовал и еще один сюжет, касавшийся самого Давыдова. *«Разве ты не расстреливаешь?» — говорит Фигнер Давыдову. «Да, расстрелял двух*

изменников отечеству...» - отвечает тот. *«Ты, верно, расстреливал и пленных?»* — не унимается Фигнер. *«Боже меня сохрани! Хоть вели тайно разведать у казаков моих»*.⁶ Здесь, в тексте, рассчитанном на широкую публику, резко противопоставляя себя Фигнеру, Давыдов лукавит. Расстреливать пленных приходилось и ему, в чем он сам, как видно выше, признавался Загоскину. Есть и свидетель жестокого обращения с пленными в отряде Давыдова — Й. Ваксмут, вестфальский унтер-лейтенант, взятый в плен в октябре 1812 г. А. И. Попову и В. А. Бессонову удалось установить, что он был пленен именно казаками Давыдова. Ваксмут описал в своих мемуарах, как тяжелораненые и изувеченные пленные были отданы по приказу начальника отряда на растерзание крестьянам, причем сцена расправы происходила на глазах как партизан, так и остальных пленных.⁷

Но вернемся к Фигнеру.

К. А. Бискупский, служивший в его отряде в 1812 г., относившийся к своему командиру в целом с симпатией и считавший его и А. Н. Сеславина настоящими партизанами в противоположность Давыдову, в своих письмах к А. А. Краевскому в 1849 г. осуждает практиковавшиеся у Фигнера убийства пленных. Он в подробностях описывает, например, уничтожение партии пленных из 180 чел. Фигнер сперва приказал раздеть их, сняв наиболее ценные вещи, а потом перебить холодным оружием. Отдать приказ о расстреле он опасался, чтобы не выдать положение отряда. Бискупский ссылается, правда, на объяснения Фигнера, что подобные действия вызывались военной необходимостью. Выдача пленных на растерзание крестьянам тоже была у Фигнера обычным делом.⁸ Бискупский же рассказывает, как недалеко от Можайска в селе князя Вяземского их отрядом были обнаружены человек 10 французов. *«Фигнер сейчас развешал их по соснам под селом, как ветчину на солнце вешают»*.⁹ Вешать французов на соснах военные обстоятельства явно не требовали.

В. И. Левенштерн вспоминает, как в 1813 г. действовал вместе с отрядом Фигнера. Однажды Фигнер без видимой причины тайно от Левенштерна приказал перестрелять всех взятых ими пленных. В другой раз Фигнер на глазах Левенштерна и других офицеров убил выстрелом в голову из духового ружья французского пленного, отказывавшего отвечать на его вопросы. *«Одной из особенностей этого фанатичного и жестокого человека было то, что он приказывал убивать только одних французов и поляков. К итальянцам, немцам и голландцам и т. д. он относился снисходительно и нередко помогал им деньгами»*¹⁰, — пишет мемуарист.

Еще один случай запечатлен в записках ротмистра К. Мартенса. Во второй половине сентября он отправился из Главной квартиры в отряд Ф. Винцингероде. Ему пришлось ехать кружным путем, объезжая Москву, занятую неприятелем. На каком-то постоялом дворе он стал свидетелем ужасной сцены. *«На одном дворе,— вспоминал он,— были выстроены тринадцать пленных французов и окружены казаками. В доме, к которому принадлежал этот двор, имели место бал и музыка. Начальник партии, который взял этих пленных, танцевал в нем с несколькими распутными*

девицами. Неожиданно музыка умолкла. Начальник партии вышел во двор, сопровождаемый двумя казаками, которые ему попеременно заряжали его пистолеты, и собственной рукой перестрелял одного за другим всех тринадцать пленных, повторяя при этом слова: «Все французские собаки должны так умереть!». Казаки и некоторые крестьяне и женщины кричали ему при каждом выстреле: «Ура!». Этот начальник партии также использовался Главной квартирой в качестве шпиона. Я забыл имя этого изверга; но с сожалением должен я заметить, что он был немецкого происхождения». Последние фразы не оставляют сомнения, что речь идет об А. С. Фигнере.¹¹

Еще один участник войны 1812 г. П. Х. Граббе рассказывает, что для Фигнера «его лучшею и частою забавою было, внушив ласковым разговором с пленными офицерами веселость и доверие к себе, убивать их неожиданно из пистолета и смотреть на предсмертные их мучения»¹²

Среди этих свидетельств особое место занимают две статьи племянника партизана Аполлона Владимировича Фигнера, которого чрезвычайно занимала судьба его знаменитого родственника. «Характер дяди, – писал он в 1884 г. – был загадочным и мрачным. В его молчании о себе заключается таинственная особенность и вся его жизнь была как будто следствием этой особенности. Причина ее заключается в психической стороне его индивидуальности, а также в болезненном состоянии, не определенном окончательно наукой, которое как будто преемственно переходило в несколько поколений нашего угасающего рода. Болезнью этой страдали в некоторой степени мой отец и дед, бремя этого наследства легло и на меня, вследствие чего я пережил и переживаю глубокие страдания».¹³ Фигнер приводит также и свидетельство А. П. Ермолова, в дом к которому он был вхож в начале 1850-х гг. в Москве и который составлял ему протекцию по службе. Ермолов будто бы говорил Фигнеру, что его дядя «страдал какой-то душевной болезнью и что у него было нечто вроде *coup de marteau*. Преследуемый этими страданиями, дядя искал забвения от них в буре войны и битв»¹⁴ Именно в душевных страданиях дяди видел племянник причину жестокого обращения с пленными французами.¹⁵

Впрочем, Аполлон Фигнер отмечал, что в характере дяди вовсе не было «зверских наклонностей». «Напротив в его натуре было много рыцарского великодушия и благородства». «Властолюбие и жажда чего-то необыкновенного были главными двигателями всех его действий; вместе с тем дядя был религиозен, но религиозность его простиралась до фанатизма».¹⁶ В другом месте он пишет: «Психическое состояние дяди было похоже на религиозный фанатизм – он часто ходил по церквам и молился Богу со слезами».¹⁷ «Однажды, очистив от французов какое-то местечко, в котором была церковь, он нашел последнюю отвратительно оскверненной и с этого момента с еще большей жестокостью начал преследовать французов».¹⁸ В другой редакции своей статьи Фигнер уточнял: в алтаре разграбленной церкви «французами были деланы все физические

отправления, и в углу алтаря лежало несколько трупов малолетних девочек, сделавшихся жертвами самой скотской страсти». И Фигнер тут же поклялся не давать пощады ни одному французу. Согласно этому варианту статьи А. В. Фигнера, Ермолов считал, что именно этот случай и произвел у уме у дяди *«coup de marteau»*.¹⁹

На упреки Левенштерна в жестокости Фигнер отвечал, *«что совесть ни в чем не может упрекнуть его, так как в 1812 г. он поклялся перед Богом, что никогда не пощадит жизни ни одного француза»*. Он рассказал Левенштерну ту же историю про оскверненную церковь, которую передавал Фигнеру-племяннику Ермолов. Рассказ этот отличается лишь тем, что Фигнеру удалось поймать часть преступников, которых он и сжег, заживо заперев в церкви.²⁰

Еще одну причину жестокого обращения дяди с пленными племянник привел также со слов Ермолова. Когда количество пленных увеличилось настолько, что *«содержать их не было средств и возможности»*, партизан обратился к Ермолову с вопросом, как поступать с ними. Ермолов отвечал лаконичной запиской: *«Вступившим с оружием на русскую землю – смерть»*. Ответ Фигнера тоже был краток: *«Отныне ваше превосходительство не буду более беспокоить пленными»*. *«И с этого времени началось жестокое истребление пленных, умерщвляемых тысячами»* – резюмирует Фигнер-племянник.²¹ Сослуживец партизана Фигнера И. Т. Радужицкий, сообщает в мемуарах, что после того как Фигнер стал в Тарутинский лагерь ежедневно присылать партии по 200-300 человек пленных, то в Главной квартире *«стали уже затрудняться в их помещении и советовали ему истреблять злодеев на месте»*.²² Можно думать, что Ермолов, ссылаясь на помешательство Фигнера, пытается оправдать и приказ командования об истреблении пленных, поскольку официальная санкция на убийство пленных неизбежно вела к развязыванию вакханалии насилия.

Приказ об истреблении пленных вполне в характере Ермолова и несколько не контрастирует с его отношением, например, к горцам в эпоху его управления Кавказом. Но, надо отметить, что хотя в частной беседе Ермолов и сознавался в отдаче такого приказа, в своих воспоминаниях он не сказал об этом ни слова. Ермоловское мемуарное наследие – предмет особого исследования. В его многочисленных устных рассказах, переданных самым разным лицам и рассыпанных по страницам их воспоминаний, Алексей Петрович, как кажется, гораздо более откровенен, чем в «официальных» мемуарах, тоже впрочем, долгие годы не публиковавшихся и ходивших в списках. Эти записанные с его слов рассказы, наглядно демонстрируют разницу между письменным, пусть даже и неподцензурным, и устным свидетельством, и, будучи собраны вместе, могли бы составить альтернативу его знаменитым «Запискам».

Бискупский, находившийся в отряде Фигнера в 1812 г. сообщает, что убийство пленных и отдача их на растерзание крестьянам, практиковавшаяся Фигнером, вызывала неодобрение у офицеров его отряда. Они подозревали, что их командир *«питает особую личную ненависть к французам»*. Но от

ответа на вопрос о ее причинах Фигнер «уклонялся... молчанием». *«Я и сегодня, – пишет Бискупский в 1849 г., – помню свою подозрительную тогда мысль. Странно, подумал я. Отчего бы не сказать этой причины. Быть может один какой-нибудь француз в России, не в войне где-нибудь жестоко оскорбил его или его семейство, из родных близкого или близкую, до такой степени, что он готов всех вырезать в отместку».*²³

Жестокому обращению с пленными способствовал и сам характер отряда, сформированного Фигнером. Уже цитировавшийся Бискупский пишет, что после сдачи Москвы *«Фигнер один с люциферскими мечтами остался в окрестностях и подобрав немного отсталых пограбить по возможности прославленных наших казаков, проказничал с ними по ночам».*²⁴ И. Т. Раджицкий, служивший с будущим партизаном в одной артиллерийской роте, писал: *«Ему скоро пришла счастливая мысль: для истребления мародеров неприятельских обратиться к своим».* Он собрал в свой отряд *«праздношатающихся вооруженных людей всякого рода войск, ... увлекательным красноречием умел соединить их к общему участию для приобретения добычи и с двумя сотнями разнокалиберных удалцов начал производить свои набеги».*²⁵ Ермолов говорил А. В. Фигнеру: *«Дядя твой был мне близким человеком. От него у меня не было секретов. Он часто спал со мной в одной палатке на биваках. Бывало, наведет в мою ставку какую-то разноцветную шайку и мне часто приходилось слышать, что штаб мой иногда бывает похож на вертеп разбойников»*²⁶.

Фигнер, конечно, не был патологическим изувером. Тому есть ценное свидетельство со стороны самих пленным, относящееся, правда, к начальному периоду партизанской деятельности Фигнера. Ганноверский офицер Карл Шенк, был взят в плен 2 октября 1812 г. в обозе раненых. Шенк очень удивился, что командиром отряда оказался *«ободранный и весь в лохмотьях крестьянин».* Зная, что крестьяне никому не дают пощады, он решил, что пробил его последний час. Однако выяснилось, что крестьянин прекрасно говорил на французском, немецком и итальянском языках. Он представился капитаном Фигнером. В лагере партизан Шенк обнаружил 200 рядовых пленным, двух офицеров итальянской артиллерии и двух фельдшеров. Отряд пришел в какую-то деревню. *«Было очень тяжело обезопасить нас от ярости русских крестьян, которые требовали нашей смерти и Фигнер должен был употребить весь свой авторитет, чтобы защитить нас от расправы».* Офицеров он взял в свою квартиру, а рядовых приказал запереть в амбаре. Шенк отмечает, что Фигнер обращался с офицерами с большим уважением, а с солдатами очень человечно. Убедившись, что казаки жестоко обращаются с пленными, которым трудно двигаться, он заменил конвой на гусар. Офицерам Фигнер выдал по две рубашки и по два шейных платка.²⁷ К. А. Бискупский рассказывает, как он однажды вступился за пленного польского офицера, которого предполагалось убить вместе с прочими, и как Фигнер разрешил ему взять этого офицера с собой на поруки.²⁸

В связи со всем вышеизложенным особый интерес представляет собой создание Фигнером в 1813 г. отряда из военнопленных.

24 июня 1813 г. начальник главного штаба соединенных армий генерал-лейтенант И. В. Сабанеев сообщил начальнику главного штаба русской армии генерал-майору Ф. Ф. Довре по поручению главнокомандующего, что по высочайшему повелению *«лейб-гвардии полковнику Фигнеру позволено формировать из пленных итальянцев и испанцев войски под названием Мстительный легион, для чего и нужно, чтобы в том не только не было сделано ему никакого препятствия, но и оказываемо всенужное содействие со стороны воинских начальников»*.²⁹ В тот же день документ такого же содержания Сабанеев направил и великому князю Константину Павловичу. Последний наложил резолюцию: *«дать знать начальникам корпусов»*.³⁰ А. В. Фигнер добавляет к этому, что легион был сформирован А. С. Фигнером *«на счет добыч от неприятеля»*.³¹

Интерес к Италии был у Фигнера не случайным. В 1805-1806 гг. он был отправлен на Корфу в войска англо-русской экспедиции и был откомандирован оттуда в Италию, проведя, в частности, несколько месяцев в Милане. Благодаря этой командировке он превосходно овладел итальянским языком³². Раджицкий пишет, что еще в 1812 г. Фигнер оставил при отряде несколько пленных итальянцев, которые впрочем, разбежались и сообщили французам ценные сведения о партизанах³³. Левенштерн сообщает, что идея создания легиона родилась в голове Фигнера еще до перемирия, что пленных итальянцев Фигнер брал под особое покровительство и надеялся с их помощью истребить в Италии всех французов. *«Я видел этих солдат, – пишет Левенштерн, – когда они выступали в поход уже в форме, хорошо вооруженные и посаженные на превосходных лошадей, их можно было принять за прекрасно обученное старое войско»*.³⁴

Давыдов сообщает, что видел Фигнера во время перемирия в 1813 г. в главной квартире в форме двух батальонов, сформированных им из пленных испанцев и итальянцев; на эполетах у них были литеры МЛ – Мстительный легион. *«Он мне говаривал во время перемирия, – пишет Давыдов, – что намерение его, когда можно будет от успехов союзных армий, пробраться через Швейцарию в Италию и объявить себя вице-королем Италии на место Евгения, я уверен, что точно эта мысль бродила у него в голове, так как подобная бродила в головах Фердинанда Кортеса и Пизара и Ермака, но одним удалось, а другим воспрепятствовала смерть, а может быть воспрепятствовали бы и другие обстоятельства»*.³⁵

Н. В. Неведомский, чрезвычайно компетентный автор, находившийся в 1813 г. в отряде Фигнера сообщает, что Фигнер во время последнего похода тщательно изучал карты Вестфальского королевства и намеревался доказать, что царствование Ж. Бонапарта будет недолгим. Таким образом, Фигнер хотел со своим отрядом освободить Вестфалию, победив, если не самого императора Наполеона, то хотя бы его младшего брата³⁶. Как считает автор, скрывшийся за инициалами И. О., причина, заставившая Фигнера остаться на левом берегу Эльбы и не последовать за эвакуировавшимися на правый берег

ввиду наступления неприятеля прусскими войсками, состоит как раз в нежелании оказаться в подчинении пруссаков, что сделало бы невозможными самостоятельные действия в Вестфалии³⁷.

Участник последнего сражения отряда Фигнера ротмистр Н. Депрейс в письме к матери, уже после освобождения из плена, описывает случившееся с ним. Он, в частности, указывает и состав и численность отряда Фигнера – 56 чел. гусар, 180 чел. украинских казаков, 90 чел. донских казаков и 270 чел. пехоты, состоящей из испанцев и итальянцев³⁸.

Племянник сообщает, что отряд А. С. Фигнера состоял из представителей разных родов оружия: артиллерии, кавалерии и пехоты. Значительная часть отряда состояла из бывших наполеоновских солдат, преимущественно итальянцев и испанцев. Описывая последнее сражение дяди, А. В. Фигнер пишет, что сам Александр Самойлович с передовой частью отряда бросился в атаку, *«но вскоре увидел, что остальной его отряд повернул назад в беспорядочном отступлении»*³⁹. Левенштерн также заметил, что отряд *«не оправдал надежд, которые возлагал на него Фигнер»*. Все его старания пропали даром. При первом же серьезном деле солдаты покинули своего командира⁴⁰.

Знавший Фигнера инженерный офицер А. И. Мартос сообщил в своих записках, оконченных к 1818 г., вероятно со слов очевидцев, о последнем бое Фигнера: *«Сей отряд, состоявший из итальянцев, поляков, немцев и разного звания людей вдруг кидает оружие и кричит «пардон»»*⁴¹. Радожицкий писал о пленных из Мстительного легиона, что *«эти люди не могли быть надежны. Фигнер, думавши делать с ними чудеса так как в России, принужден был для приобретения любви от них и доверенности позволять им разные своевольства; вместо того, чтобы наносить вред неприятелю он разорял с ними Саксонию и тем вооружал против себя начальство»*⁴².

Неведомский, рассказывая о составе отряда и о последнем сражении на Эльбе, упоминает только испанцев, но ни слова не говорит об итальянцах⁴³. Возможно потому, что их поведение не укладывалось в создаваемую им героическую легенду.

Уже упоминавшийся И. О. в статье о Фигнере писал о пленных, входивших в отряд, *«преимущественно испанцах и немцах»*, что *«подобный сброд один сам по себе не мог представлять чего-либо надежного для имевшихся в виду партизанских действий»*, поэтому Фигнеру были приданы люди из разных гусарских и казачьих полков. Он же пишет, что имевшиеся в отряде две роты испанских волонтеров играли в нем роль пехоты. При изложении последнего этапа биографии Фигнера он опирается в основном на Неведомского и при описании его последнего боя об итальянцах также ничего не упоминает⁴⁴.

Мотивы действий Фигнера, создавшего Мстительный легион и предпринявшего авантюрную попытку вести во главе его собственную войну, презирая реальные обстоятельства и военные правила — что и привело в итоге к гибели и отряда и командира, — вполне объясняются особенностями склада его личности. Пожалуй, лучшую характеристику А. С.

Фигнера дал непосредственно знавший его Неведомский. *«Не честолюбие молодого офицера, не склонность следовать примеру большей части привели его на войну, но одно из тех неодолимых чувств, которые захватывают всю душу и на много лет не дают в ней места никакому другому чувству... Фигнера томила жажда предприятий, сопряженных с опасностью для жизни и эта жажда от непрерывных успехов возросла до того, что подобные предприятия стали для него наслаждением, необходимым для существования. Он походил на отчаянного игрока, который с каждой удачей удваивает ставку, пока счастье ему не изменит... Удивительно было бы, если бы не погиб на войне он, любивший войну для войны, ежедневно игравший своей жизнью как маленькие дети игрушкой, пока ее не изломают»*⁴⁵.

Работа Неведомского, плохого поэта, но талантливого очеркиста, с ее романтически-патриотической характеристикой Фигнера вообще имеет принципиальное значение. Она появилась впервые в 1838 г. в послепушкинском «Современнике», тут же была перепечатана в официозном «Русском инвалиде» и стала первой более или менее пространной биографией Фигнера (во всяком случае, последнего этапа его жизни), многократно переиздавалась, цитировалась и в значительной степени способствовала формированию в общественном историческом сознании легенды о герое-партизане.

Давыдов сравнивая Фигнера с испанскими конкистадорами, пишет, что *«Фигнер вылит был в одной форме с теми знаменитыми искателями приключений: та же бесчувственность к горю ближнего, та же бессовестность, лицемерие, коварство и отважность, предприимчивость, уверенность в звезде своего счастья!»*⁴⁶.

А. В. Фигнер сообщал со слов своего отца и лиц, окружавших знаменитого партизана: *«Властолюбие и жажда чего-то необыкновенного были как бы главными двигателями всех его действий»*⁴⁷.

Склонность к авантюрным поступкам, подчас не поддающимся логическому объяснению, прослеживается на всех этапах биографии Фигнера. Не вдаваясь в перечисление многочисленных известных эпизодов, сошлемся в качестве примера на недавно впервые опубликованные И. С. Тихоновым документы. Согласно им Фигнер, находясь в Молдавской армии, самовольно объявил себя в Яссах адъютантом главнокомандующего князя П. И. Багратиона. Генерал А. Ф. Ланжерон, сообщая об этом случае Багратиону, писал, *«что он Фигнер, человек крайне ветреной, – в чем неоднократно замечен всеми был»*⁴⁸.

Однако эти характеристики, при всей их важности, далеко не полностью раскрывают существо дела. Личность Фигнера была теснейшим образом связана с его эпохой.

«Эпохи сильных народных возбуждений: революции, войны и т. п. обыкновенно выдвигают из толпы таких людей, которые в обычное время при установившихся гражданских порядках прошли бы незамеченными, а может быть, – благодаря своим врожденным качествам, – угодили бы на

скамью подсудимых... В вышеупомянутые же исключительные эпохи, когда при разгаре страстей существующий порядок становится вверх дном и затемняются все понятия о нравственных началах, подобные личности – талантливые, отважные или снедаемые честолюбием и ради него ни перед чем не останавливающиеся, – разом появляются в передовых рядах, становятся предметом всеобщего внимания и попадают в разряд легендарных героев»⁴⁹.

Е. Грачева и А. Востриков, предприняли удачную попытку уйти от общих рассуждений подобного рода и вписать мотивы поведения Фигнера в культурный контекст времени. Они говорят об уникальной культурной ситуации, которую породила Отечественная война 1812 года. «Эпоха, последовавшая за Великой Французской Революцией, эпоха романтизма, культа Наполеона и «исторических» поступков, сформировала целое поколение офицеров, мечтающих обрести свой Тулон или свой Аркольский мост»⁵⁰. Действительно, даже среди партизан 1812 года Фигнер был не одинок. Своей тягой к самостоятельным действиям, так сказать, к своей собственной войне с Бонапартами, и оригинальными геополитическими проектами он поразительно похож на В. И. Дибича, также предпринявшего попытку организации отряда из пленных⁵¹. Фигнер хотел освободить со своим отрядом Вестфалию и Италию, а Дибич — разгромить самого Наполеона. Впрочем, планы убийства императора были и у Фигнера⁵². Разница между этими фигурами конечно очевидна. Дибич — жалкая пародия на Фигнера — не обладал ни его организаторскими способностями, ни личной храбростью, ни умом. Но все же сходство бросается в глаза.

Следы Мстительного легиона, точнее его итальянской части, существование которой проигнорировал Неведомский, неожиданно обнаружили в 1814 г. В частности, 12 июня 1814 г. генерал Ф. Ф. Эртель, генерал-полицеймейстер действующих армий, направил рапорт М. Б. Барклаю де Толли, в котором излагалось содержание рапорта майора Курляндского драгунского полка де Давино (он же де Давин, де Даван)⁵³. Де Давино в передаче Эртеля писал следующее. По данному ему 2 августа 1813 г. от генерал-майора Ушакова повелению (С. Н. Ушаков – шеф Курляндского драгунского полка) он явился к гвардии полковнику Фигнеру «для формирования под начальством его (Фигнера. – Б. М.) итальянского легиона, по сформировании коего выступили они в поход для соединения с крон-принцем шведским, но под городом Дессау на р. Эльбе, будучи окружены сильным неприятельским корпусом, разбиты, и он, будучи взят в плен, содержался в крепости Винтенберг (так!) по 1 января 1814 г. По освобождении же оттуда прибыл он в Дрезден, где получил от саксонского генерал-губернатора князя Репнина словесное приказание о собрании всех итальянцев, находящихся наперед сего в отряде помянутого полковника Фигнера, равно и прибывших их крепостей Торгау и Виртенберг (так!)»⁵⁴. Рапорт этот дает нам некоторую дополнительную информацию о планах Фигнера (соединение с Северной армией Ж. Б. Ж. Бернадота вовсе не исключало движения в Вестфалию).

Эртель доносил Барклаю де Толли еще 16 марта, что согласно рапорту коменданта Базеля батальон «итальянского легиона» под командованием де Давино прибыл туда 8 марта. В Базеле, куда он прибыл по приказу Н. Г. Репнина, батальон должен был дожидаться решения П. М. Волконского, которому Репнин направил соответствующее донесение о сделанном им распоряжении⁵⁵. Попытка реанимировать легион из пленных итальянцев и передислокация его в Базель, поближе к границам Италии, свидетельствует о том, что Фигнер в своих планах, возможно, был не одинок, и в среде русских военных были мысли о действии на итальянском театре военных действий еще в начале 1814 г.

Кроме того, документы о легионе из итальянцев, организованном де Давино, позволяют составить, хотя и с некоторой натяжкой, представление об итальянском контингенте, входившем в состав отряда Фигнера.

В апреле 1814 г. легион уже должен был находиться в Фор-Луи. Для его инспектирования дежурный генерал всех армий генерал-майор К. Ф. Ольденкоп отправил штабс-капитана Аллера, который о результатах своей поездки составил 3 мая рапорт. Приехав в Фор-Луи 24 апреля Аллер легиона там не обнаружил (о нем ничего не слышали ни российский, ни баденский коменданты). Пробыв там пару дней, Аллер отправился в Раштат и в Баден, к генералу П. Х. Витгенштейну, который также не обладал никакой информацией о легионе. Вернувшись в Фор-Луи, Аллер узнал от прибывших из Базеля офицеров, что легион по-прежнему находится там. Базельский комендант сообщил прибывшему Аллеру, что легион расквартирован по деревням в нескольких часах езды от города, около местечка Лерах. Аллер приказал де Давино собрать легион для смотра в Лерахе. Смотр состоялся 28 апреля. Аллер обнаружил, что в легионе, *«именуемом Итальянский»* состоит на лицо 21 офицер, 2 врача и 440 нижних чинов, *«здоровых и видных людей»*. Выяснилось, что при формировании легиона в Дрездене в нем было более 700 чел, *«из коих многие разбежались»*. Из оставшихся 440 человек по данным Аллера *«100 было неаполитанцами, 115 итальянцами, 61 пьемонтцами, 37 испанцами, 37 тосканцами, 32 римлянами и 20 генуасцами»*. *«Одежда их состоит, – писал Аллер, – из различных старых французских мундиров и партикулярного платья и то весьма недостаточно»*. Большая часть их имела еще вполне годные французские шинели и ранцы. Обувь же была *«весьма худая, словом почти все босые»*. В связи с этим Эртель приказал снабдить их башмаками из базельского магазина. Вооружение легионеров состояло всего из *«36 ружей без всяких принадлежностей; число оных простиралось прежде до 300, но они, нуждаясь в деньгах мало помалу продавали [их]»*. Ни офицеры, ни солдаты легиона не получали никакого содержания, за исключением того, что де Давино выдавал им под расписку из своих средств. *«Сие-то и было причиною, почему они не хотели следовать в Форлюи и весьма часто выходили из послушания своего начальника. Даже и господа офицеры не показывали в сем случае хороший пример своим подчиненным»*. Питались же легионеры за счет жителей, на квартирах которых были расположены⁵⁶.

На следующий день после смотра легион выступил в Фор-Луи. Это выступление, по словам Аллера, стало возможным в первую очередь благодаря усилиям Эртеля. *«Для наблюдения вящего порядка»* он прислал из Базеля для сопровождения легиона команду, состоящую из 19 конных и 19 пеших нижних воинских чинов, а также 1 офицера⁵⁷.

Скорее всего, именно по результатам поездки Аллера, в российском штабе был составлен проект документа (по-видимому, рапорта главнокомандующего), адресованного императору, в котором предлагалось удовлетворить членов легиона жалованием, отобрать у них оружие и передать в распоряжение австрийцев или распустить (за исключением испанцев, по поводу которых предлагалось *«снести с их министром»*).⁵⁸ Мы не имеем сведений о дальнейшей судьбе этого документа, но решение о роспуске легиона было принято. На очередном рапорте Эртеля о легионе от 20 мая 1814 г. Барклай наложил резолюцию: *«до получения еще сего рапорта предписано уже удовлетворить жалованием и распустить»*⁵⁹.

К 20 мая согласно рапорту Эртеля легион уже был расположен в селении Герлигейм в окрестностях Фор-Луи. Его члены по-прежнему не получали *«ни жалования, ни обмундирования, ни вооружения»*, отчего между его чинами происходили *«некоторые волнения и беспокойства и офицеры требовали рапортом за общим подписанием командира легиона майора де Давино жалования и роспуска по домам»*. Эртель затруднялся в том, какие меры употребить *«к обузданию их своевольтва»*, поскольку *«они не присягали российскому престолу и не подвержены строгости российской военной дисциплины»*⁶⁰.

Получив уже упомянутое в резолюции Баркляя де Толли распоряжение о роспуске итальянского легиона, Эртель донес ему 10 июня 1814 г., что он вытребовал из комиссариатской комиссии жалование по российскому окладу как офицерам, так и нижним чинам легиона. Все они были жалованием удовлетворены *«и по своим местам, кто куда пожелал, распущены»*⁶¹.

Следует отметить, что хотя военные власти и поощряли действия по созданию Мстительного легиона Фигнера, а затем и итальянского легиона – они были выгодны, несомненно, в политическом смысле, – заниматься детально хозяйственной стороной этого вопроса у них видимо не было желания или возможности. Дело было отдано на откуп инициативе частных начальников. Подробностей о том, как обеспечивал легион и удерживал его в повиновении Фигнер, мы не знаем. Имеющиеся скромные данные позволяют предполагать, что, вероятно, решающую роль играла его личная харизма и военная добыча. Подобное Фигнер практиковал и в 1812 году. Тем не менее, поведение итальянской части легиона Фигнера в момент решающего сражения источники либо скрывают во мраке умолчания, либо дают ему нелицеприятную оценку, что дает основания подозревать в отсутствии у итальянцев особенного героизма. При всем этом не следует забывать, что Фигнер, в своем отряде кроме сомнительного качества итальянцев имел и вполне боеспособные войска. Являвшийся в некотором отношении преемником Фигнера де Давино, оказался не слишком сильным

руководителем (как впрочем, и В. И. Дибич в случае с его партизанским отрядом⁶²), поэтому и положение созданного им легиона было весьма печальным. Да и ситуация на театре военных действий переменилась – добыть вооруженной рукой все необходимое становилось все менее возможным. А после подписания мира легион и вовсе утратил смысл своего существования и оказался ненужным российским властям.

А. С. Фигнер – конечно, жертва своих личных качеств, и обвинения его в особой жестокости по отношению к пленным имеют под собой основания. Со слов Неведомского, Фигнер сам признавал, что репутация у него в этом отношении далеко не блестящая: «*Сеславин достойнее меня, на Сеславине нет столько крови*»⁶³. Авантюризм Фигнера и игнорирование им правил ведения войны в конечном итоге сыграли с ним злую шутку. Жажда снискать лавры освободителя, если не Италии, то хотя бы Вестфальского королевства, не позволила ему правильно оценить военную обстановку и боеспособность своего отряда и привела к гибели. Действия его, наряду с элементами регулярной партизанской войны «по правилам», содержат и элементы народной войны «без правил», в той или иной степени были присущи и другим партизанским отрядам. Но последних у Фигнера было больше, чем у других⁶⁴. Это обстоятельство сделало его жертвой позднейших дискуссий и моральных рефлексий. Особенности склада его личности подчас подчеркивались вполне сознательно и целенаправленно, что являлось элементом борьбы за партизанскую славу эпохи Отечественной войны 1812 г. Оказалось, что на него одного, уже погибшего и не имеющего возможности ответить, и в литературе и в мемуаристике как бы возлагалась ответственность за жестокости партизан по отношению к пленным, которые имели объективные военно-тактические основания и были санкционированы командованием, но не укладывались в общепринятые европейские нормы обращения с пленными. Отчаянная храбрость и военные заслуги Фигнера отнюдь не искупают его чрезмерных жестокостей, равно как и последние не отменяют его заслуг.

¹ Наиболее значительной работой последнего времени об А. С. Фигнере является статья Е. Грачевой и А. Вострикова «Вагнер, Finkein, Фигнер и другие (Опыт комментария к легенде о герое-партизане)», опубликованной в сборнике «Россия/Russia. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII - начало XX века. М., 1999. С. 103-127.

² Грачева Е., Востриков А. // Вагнер, Finkein, Фигнер и другие (Опыт комментария к легенде о герое-партизане) //Россия/ Russia. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII - начало XX века. М., 1999. С. 111-122.

³ Давыдов Д. В. Дневник партизанских действий 1812 года // Давыдов Д. В. Дневник партизанских действий 1812 года. Дурова Н. А. Записки кавалерист-девицы. Л., 1985. С. 108.

⁴ Давыдов Д. В. Сочинения. Т. 3. СПб., 1895. С. 173-174.

⁵ Давыдов Д. В. Дневник партизанских действий 1812 года. С. 102-103.

⁶ Там же.

⁷ Wachsmuth J. Geschichte meiner Kriegsgefangenschaft in Russland in den Jahren 1812 und 1813. Magdeburg, 1910. S. 84.

⁸ Бумаги, относящиеся до войны 1812 г., собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. 7. М., 1903. С. 312-313, 320-321, 323-324, 326-327.

⁹ Там же. С. 342.

¹⁰ Записки генерала В. И. Левенштерна // Русская старина. 1901. № 1. С. 654-656.

- ¹¹ Martens C. Denkwürdigkeiten aus dem kriegerischen und politischen Leben eines alten Offiziers. Dresden-Leipzig, 1848. S. 162-163. — *Я благодарен за указание на этот источник А. И. Попову.*
- ¹² Граббе П. X. Из памятных записок. М., 1873. С. 97.
- ¹³ Фигнер А. В. Партизан Фигнер (Из семейных воспоминаний) // Исторический вестник 1884. Т. 18. № 10. С. 139.
- ¹⁴ Там же. С. 140.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 141.
- ¹⁷ Партизан Фигнер. Из семейного архива Н. Н. Фигнера // Военный мир. 1911 № 8/9. С. 71. – Эта редакция статьи А. В. Фигнера, ошибочно подписанная «В. Фигнер», является более ранней. Она датирована 1873 г. В ней даны значительно более мягкие оценки А.С. Фигнера. Рассуждения о душевной болезни в нем отсутствуют. Его жестокость рассматривается как «*явление ненормальное, происшедшее от сильного нравственного потрясения*» (С. 79). Интерес к биографии дяди не покидал племянника всю жизнь. Уже 20 октября 1890 г. он писал редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому: «*Я написал историческую заметку, припомнив и собрав некоторые свои бумаги и документы, и потому мог теперь описать последние минуты моего дяди. Этот материал имеет особенную цену и мой уже последний труд в Ваш журнал*» (ОР РНБ. Ф. 874. № 47. Л. 220). Эту рукопись обнаружить не удалось.
- ¹⁸ Фигнер А. В. Партизан Фигнер (Из семейных воспоминаний). С. 141.
- ¹⁹ Партизан Фигнер. Из семейного архива Н. Н. Фигнера. С. 78.
- ²⁰ Записки генерала В. И. Левенштерна. С. 655.
- ²¹ Фигнер А. В. Партизан Фигнер (Из семейных воспоминаний). С. 140.
- ²² И. Р. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 г. Ч. 1. М., 1835. С. 209-210.
- ²³ Бумаги, относящиеся до войны 1812 г... Ч. 7. С. 326.
- ²⁴ Там же. С. 294.
- ²⁵ И. Р. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 г. Ч. 1. С. 209.
- ²⁶ Фигнер А. В. Воспоминания о А. П. Ермолове // Исторический вестник. 1881. № 1. С. 148.
- ²⁷ Schenk von Winterstedt C. Ch. L. Mittheilungen aus dem Leben. Celle, 1829. S. 10-18; Попов А. И. Удивительные встречи, или Артиллерист на партизанской тропе // От Москвы до Парижа (1812–1814). Малоярославец, 1998. С. 121–132.
- ²⁸ Бумаги, относящиеся до войны 1812 г... Ч. 7. С. 325-326.
- ²⁹ РГВИА Ф. 103. Оп. 3/209 б. Д. 114. (Св. 9. Д. 2). Л. 48.
- ³⁰ РГВИА Ф. 25. Оп. 2/161 а Д. 27. Л. 25.
- ³¹ Партизан Фигнер. Из семейного архива Н. Н. Фигнера. С. 79.
- ³² Партизан Фигнер. Из семейного архива Н. Н. Фигнера. С. 74; Партизаны 12-го года. Давыдов. Фигнер. Сеславин. СПб., 1910. С. 39.
- ³³ И. Р. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 г. Ч. 1. С. 211.
- ³⁴ Записки генерала В. И. Левенштерна. С. 656.
- ³⁵ Давыдов Д. В. Сочинения Т. 3. СПб., 1895. С. 175-176.
- ³⁶ Неведомский Н. Последнее сражение Фигнера // Русский инвалид. 1838. № 91. С. 364.
- ³⁷ И. О. Александр Самойлович Фигнер // Русская старина. 1887 № 8. С. 330.
- ³⁸ Партизан Александр Самойлович Фигнер. Последняя боевая его схватка с французами в 1813 г. Письмо к матери участника-очевидца ротмистра Депрейса // Русская старина. 1886. № 6. С. 612.
- ³⁹ Фигнер А. В. Партизан Фигнер (Из семейных воспоминаний). С. 142.
- ⁴⁰ Записки генерала В. И. Левенштерна. С. 207.
- ⁴¹ Записки инженерного офицера А. И. Мартоса // Русский архив. 1893. № 8. С. 510.
- ⁴² И. Р. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 г. Ч. 3. М., 1835. С. 239.
- ⁴³ Неведомский Н. Последнее сражение Фигнера // Современник. 1838. Т. IX. С. 1-31; То же // Русский инвалид. 1838. № 91-99.
- ⁴⁴ И. О. Александр Самойлович Фигнер. С. 327, 329-331.
- ⁴⁵ Неведомский Н. Последнее сражение Фигнера // Современник. 1838. Т. IX. С. 20, 22.
- ⁴⁶ Давыдов Д. В. Сочинения. Т. 3. С. 176.
- ⁴⁷ Фигнер А. В. Партизан Фигнер (Из семейных воспоминаний). С. 139.
- ⁴⁸ «Я достоин гнева вашего, дерзая развлекать вас...»: Эпизод из биографии А. С. Фигнера // Вестник Музея-панорамы Бородинская битва. Вып. III. М., 2006. С. 92-98.
- ⁴⁹ И. О. Александр Самойлович Фигнер. С. 321.

⁵⁰ Грачева Е, Востриков А. // Вагнер, Finkein, Фигнер и другие... С. 122.

⁵¹ Миловидов Б. П. Отряд подполковника Дибича в 1812–1813 гг. // Отечественная война 1812 г. и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2005. С. 159–185.

⁵² Розанов Н. Замысел Фигнера. 1812 г. // Русская старина. 1875. № 7. С. 449-451.

⁵³ Написание этой фамилии в русских официальных документах разнообразно. В аттестате, датированном 5 марта 1811г., полковник Вольмар писал, что переведенный из квартирмейстерской части в Курляндский драгунский полк капитан де Даван, находился под его начальством полтора года для производства топографической съемки новоприобретенной Финляндии, выполнял свои обязанности «с успехом и рачением» и был «*благодарнейшего поведения*». (РГВИА. Ф. ВУА. Л. 543. Л. 17.). Согласно копии свидетельства, выданного штаб-лекарем 7-й артиллерийской бригады майору де Давану 22 сентября 1812 г., он лечился в госпитале в Туле с 28 августа от раны картечью в плечо. (Там же. Л. 16.) Из рапорта Эртеля от 12 июня видно, что де Давино жаловался, что по состоянию здоровья не способен к «*фрунтовой службе*» и просит определить его «*для счисления по кавалерии*». Кроме того, он напоминает начальству, что состоит майором уже пять лет, явно намекая на повышение в чине (Там же. Л. 13). Согласно резолюции Баркляя де Толли его было предписано отправиться к своему полку (Там же. Л.12).

⁵⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Л. 543. Л. 12.

⁵⁵ Там же. Л. 1, 12 об.

⁵⁶ Там же. Л. 2-3.

⁵⁷ Там же. Л. 3.

⁵⁸ Там же. Л. 9.

⁵⁹ Там же. Л. 10.

⁶⁰ Там же. Л. 10.

⁶¹ Там же. Л. 11.

⁶² Миловидов Б. П. Отряд подполковника Дибича в 1812–1813 гг. С. 159–185.

⁶³ Неведомский Н. Последнее сражение Фигнера // Русский инвалид. 1838. № 96.

⁶⁴ Не зря советская историография считала его «*одним из ярких представителей народной войны*» (Володин П. М. Партизан Александр Фигнер. М., 1971. С. 6).